

УДК 117.4

ИНСТИТУТЫ НА ПЕРЕПУТЬЕ: СОЗИДАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СОЗИДАНИЕ?

Г. М. БИРЖЕНЮК¹⁾, Т. В. ЕФИМОВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечено, что в настоящее время происходит динамичный процесс изменения множества параметров, присущих ряду социальных институтов на протяжении длительного периода и имевших до определенного момента исторически устойчивый характер. Показано, что во многом эти изменения обусловлены развитием шеринга – явления, которое зародилось в современной экономике в связи с прогрессом в сфере информационных технологий и породило феномен шеринг-культуры. Утверждается, что идеология доступа интенсивно вытесняет доминировавшую на протяжении многих веков идею владения, что особенно заметно среди представителей молодого поколения. Выдвинута гипотеза, согласно которой, с одной стороны, в результате данных процессов наблюдается деинституционализация традиционных сфер социальной практики, с другой – шеринг приобретает признаки нового социального института, своего рода мегаинститута, который изменяет институты традиционные: семью, образование, труд, потребление, отношение к собственности и др.

Ключевые слова: социальные институты; культура; шеринг-культура; шеринг-образование; нетрадиционные формы труда; информационная и знаниевая революция; антропологический прогресс; деинституционализация.

INSTITUTIONS AT A CROSSROAD: CREATIVE DESTRUCTION OR DESTRUCTIVE CREATION?

G. M. BIRZHENYUK^a, T. V. EFIMOVA^a

^aSaint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
15 Fucika Street, Saint Petersburg 192238, Russia

Corresponding author: G. M. Birzhenyuk (sct47@mail.ru)

We are witnessing and participating in a very dynamic and powerful process of changing many parameters that have been inherent in a number of social institutions for a long time and have been historically stable up to a certain point. These changes are largely due to the influence of sharing, a phenomenon that originated in the modern economy, has acquired intensive development in connection with the progress in the field of information technologies and has given rise to the phenomenon of «sharing culture». The ideology of access is intensively replacing the idea of ownership that has dominated for centuries. The younger generation is especially susceptible to this. The authors put forward the hypothesis that, on the one hand there's the deinstitutionalization of traditional social practices, on another hand sharing can be seen not so much

---

Образец цитирования:

Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Институты на перепутье: созидательное разрушение или разрушительное созидание? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:92–99.

For citation:

Birzhenyuk GM, Efimova TV. Institutions at a crossroad: creative destruction or destructive creation? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:92–99. Russian.

Авторы:

Григорий Михайлович Бирженюк – доктор культурологии, профессор; заведующий кафедрой социально-культурных технологий факультета конфликтологии.
Татьяна Викторовна Ефимова – кандидат культурологии, доцент; заместитель декана по научной работе факультета конфликтологии.

Authors:

Grigory M. Birzhenyuk, doctor of cultural studies, full professor; head of the department of social and cultural technologies.
sct47@mail.ru
Tatyana V. Efimova, PhD (cultural studies), docent; deputy dean of the faculty of conflict studies.
efimovatv@gup.ru

as a culture, but as a phenomenon that has the characteristics of a new social institution, a kind of mega-institution that changes traditional institutions: family, education, labor, consumption, property relations, etc.

Keywords: social institutions; culture; sharing culture; sharing education; non-traditional forms of labour; information and knowledge revolution; anthropological progress; deinstitutionalization.

Мы являемся свидетелями и участниками очень динамичного и мощного процесса изменения множества параметров, присущих ряду социальных институтов на протяжении длительного времени и имевших до определенного момента исторически устойчивый характер. Не исключено, что эти изменения происходят под влиянием такого явления, как шеринг. В буквальном переводе (англ. *share*) означает «делиться». Сегодня в это понятие принято вкладывать более широкий смысл – совместное использование, а главное – потребление без владения и по мере надобности. Термин «шеринг-экономика» (*sharing-economy*), т. е. экономика совместного использования, появился примерно в 2000 г., иногда его переводят как «разделяющая экономика», «долевая экономика», «трастовая экономика», «peer-to-peer экономика», «совместное потребление», «экономика сотрудничества и участия».

Вопрос о соотношении базиса и надстройки сегодня во многом потерял актуальность в силу ухода марксизма с исторической арены и изменения понимания роли тех или иных факторов в историческом процессе. Здесь же можно вспомнить эту дихотомию в следующем смысловом поле. Экономика, в данном случае шеринг-экономика, порождает определенный тип сознания и формы поведения. Однако и сама экономика, и конкретные ее формы и тренды возникают под влиянием человеческих потребностей, ценностей и многого другого, что соотносится с понятием «надстройка». В связи с этим вполне достаточно зафиксировать связь шеринг-экономики и культуры, которую можно назвать шеринг-культурой, не уточняя, что является первичным.

Шеринг-экономика – это принципиально новая модель бизнеса, которая построена на формировании и функционировании специализированных онлайн-платформ, с помощью которых люди могут обмениваться самыми различными активами – от кулинарных умений, места в автомобиле, движущемся в нужном потребителю направлении, до квартиры, дома и т. д. Шеринг-экономика растет экспоненциально. В частности, в 2014 г. ее объем оценивался в 14 млрд долл. США, а к 2025 г. предполагается рост до 335 млрд долл. С помощью сервиса *Airbnb*, рыночная капитализация которого составляет 31 млрд долл. США, миллионы людей арендуют квартиры, дома, виллы в любом населенном пункте мира. Капитализация сервиса аренды такси *Uber* – 68 млрд долл. США. Существует значительное

число площадок, которые позволяют коммуницировать между собой автовладельцам и попутчикам. Это, например, *Lyft* – шеринг поездок в Америке, *Ola* – в Индии, транспортный сервис *Grab* в Юго-Восточной Азии и китайский *Didi Chuxing*.

Шеринг-культура – это культура преодоления инстинкта обладания, который сопровождал человека на протяжении практически всей истории его существования – от «возникновения семьи, частной собственности и государства» (Ф. Энгельс). Шеринг-культура – это новая система ценностей, отношений и поведения. Она находится в процессе развития и уже прошла несколько стадий.

Развитие интернета стимулировало возникновение и популяризацию *torrent sharing* – обмена между пользователями компьютерными программами, фильмами, музыкой, художественной, научной и другой литературой в виде электронных текстов. Это все существовало на уровне частных контактов и преимущественно не носило коммерческого характера (типичный пример – самая известная в Рунете «Библиотека Максима Мошкова», созданная в 1994 г.).

Бизнес довольно быстро оценил возможности платформенных технологий обмена, в результате появился *uber sharing*. Были созданы сервисы, благодаря которым миллионы людей во всем мире налаживают сегодня совместное пользование транспортом (*karsharing, ridesharing*), местами отдыха (*timeshare*), квартирами и т. д. Мир на наших глазах превращается в гигантский, всеобъемлющий, весьма удобный и привлекательный пункт проката, где идея доступа оказалась привлекательнее идеи владения.

Современная стадия развития шеринга – *social sharing*. Это не что иное, как обмен социальными статусами. Безусловно, это не сами статусы (как предписанные, так и достигнутые), возможность получить доступ к пользованию определенными атрибутами, которые сопутствуют высоким статусам, и тем самым какое-то время имитировать владение ими. Иными словами, можно «взять в аренду» статус и комфорт. Отныне не нужно тратить годы и десятилетия на то, чтобы заработать на дорогую машину, квартиру в престижном районе, дом. Все это можно заказать на час одним нажатием кнопки в смартфоне. Владение постепенно перестает быть жизненной целью, поскольку появился временный и мгновенный доступ к самым разным благам [1].

Понятно, что включены в эти и другие формы шеринга пока не все. Мировоззрение старшего поколения сформировалось в условиях раздаточной экономики СССР, в обществе модерна, несущем в себе ряд черт традиционного общества, где все было дефицитом. Поэтому у данной категории населения доминирует желание прежде всего владеть. Люди в СССР стремились правдами и неправдами приобрести книги, другие предметы, даже те, которые использовались для определенных целей практически один раз. В итоге дом заполнялся массой ненужных вещей, которые годами лежали без дела, зато у владельцев появилось ощущение владения и определенного преимущества перед другими. Это поколение относится к шерингу в лучшем случае настороженно, в целом выбирает традиционные формы потребительского (и не только потребительского) поведения. Молодежь, выражаясь метафорично, предпочитает приобретать не перфоратор, а отверстия в стене. Она демонстрирует высокую активность в приобщении к благам шеринг-экономики, где идея доступа правит балом.

В 1976 г. Эрих Фромм издал ставшую знаменитой книгу «Иметь или быть» («Haben oder Sein») [2]. Книга была написана как реакция на явление, называемое «общество потребления», сущностной чертой которого был вещизм – центрация на материальной стороне бытия, проявляющаяся в безудержном потреблении вещей, продуктов, природы и т. д. Спрашивая: «Иметь или быть?», – Фромм, разумеется, подразумевал более серьезный концептуальный вопрос: «Владеть чем-то (дипломом, домом, машиной) или быть кем-то, воплощать что-то (мастерство, компетенции, духовные качества)?». Когда книга Фромма вышла в свет, еще были свежи воспоминания о студенческих волнениях во Франции 1968 г. и идеях, питавших это движение. Это была форма протеста нового поколения, попытка прорыва как к свободе мысли, так и к свободе от ценностей буржуазного общества, которые во многом воплощались в деньгах, машинах, вещах. Разумеется, тогда молодежь ответила: «Быть».

Это имело положительный эффект в плане формирования новой идеологии и системы ценностей, но в итоге оказалось, что потребности никуда не исчезают, очень много хочется, очень многое нужно. На этом фоне в конце прошлого века возникла новая концепция: «не иметь, но пользоваться». Многим стало ясно, что «иметь» всегда сопряжено с целым рядом обременений. Жилище необходимо содержать и ремонтировать, за собственность следует платить налоги, вещи занимают место, за ними нужно ухаживать, заботиться о их сохранности и т. д. Владение автомобилем связано с большими расходами на налоги, парковку, ремонт, страховку, охрану и пр. Вместо всего этого потребителю предлагают прокат, причем сама процедура арен-

ды и возврата транспортного средства предельно облегчается за счет платформенных технологий, где используется система удаленных платежей, поиска автомобиля с помощью системы GPS. Все это управляется со смартфона с помощью мобильного приложения. Как отмечает М. Шевчук, «в иерархическом обществе обладание – единственный способ застолбить за собой какое-то место, через собственность получить право на государственную защиту своей пищи и своей жизни. Поэтому история развития социальных институтов в целом представляет собой постоянное стремление обделенных элементов общества – рабов ли, женщин, чернокожих или крестьян – выйти за пределы иерархии и обрести права, для чего необходимо было обзавестись собственностью» [3].

Шеринг-экономика – это отказ от владения, от собственности, а шеринг-культура – это идея сознательного ухода от ответственности. Вся история культуры и цивилизации имела в качестве движущей силы стремление завладеть имуществом, обрести тем самым субъектность и далее взять на себя ответственность перед семьей и обществом. За собственность платились налоги, содержалось государство, налогоплательщик обладал избирательными правами и в итоге отвечал как за благосостояние своих близких, так и за решения, принимаемые властью, которую он избрал. Ответственность сегодня демонстрирует прежде всего значительная часть старшего поколения. Молодежь ныне демонстрирует активное нежелание отвечать ни за что, начиная с семьи и заканчивая государством (возможно, этим объясняется низкий процент молодых избирателей, участвующих в выборах).

Шеринг проник в сферу труда и приобрел здесь различные формы: атипичные, инновационные, нестандартные, прекариатные и др. Он начал вытеснять стандартную систему социально-трудовых отношений, начавшую складываться лишь в конце XIX в., которая на протяжении 100 лет подразумевала полную занятость на рабочем месте, располагавшемся в специально созданных локациях (заводы, фабрики, рудники, стройки и т. д.). Деятельность осуществлялась обязательно под контролем бригадиров, инспекторов и пр., заключался бессрочный трудовой договор, были предусмотрены социальные гарантии для работников, чьи права и интересы защищают специальные законодательные нормы и профсоюзы. Начиная с 1970-х гг. в США и странах Европы, а с 1990-х гг. и в России институт труда претерпевал изменения, которые проявились в социальных условиях. Самого труда становится все меньше, человека все больше заменяют роботы, причем сегодня без участия людей ряд интеллектуальных операций выполняется устройствами, работающими в алгоритмах искусственного интеллекта. Изменились и сами субъ-

екты трудовых отношений (работники и работодатели) и их представления, ценности, структура и содержание.

Это, например, четырехчасовой рабочий день, позволяющий работнику более эффективно трудиться, в чем заинтересован сам работодатель. Причина простая: первые 4 ч работник справляется со своими задачами хорошо, а следующие 4 ч работает существенно хуже. Во-вторых, работодателю выгодно использовать «частичного» человека, потому что у него есть разные задания, смена которых часто идет весьма динамично, и под ситуативные задачи лучше работать с людьми, максимально полезными здесь и сейчас.

Однако во многих случаях шеринг выгоден и работнику, прежде всего потому, что это лучше сопрягается с другими делами: учебой, уходом за детьми, животными, хобби и т. п. Более того, шеринг способствует «слому» традиционного жизненного цикла, который уже давно не устраивает молодежь. Речь идет о том, что на протяжении двух столетий сменялись строго следующие друг за другом жизненные циклы человека и соответствующие доминирующие виды деятельности: получение образования – работа – пенсия (пребывание на заслуженном отдыхе). Во время обучения у человека много потребностей, а денег, как правило, нет. Далее, в период работы у человека есть деньги, но нет времени для реализации своих потребностей и увлечений. А потом, когда наступает возраст пенсии, у него много времени и потребностей, но денег опять не хватает. В связи с этим сегодня люди склонны использовать более гибкие формы занятости, что позволяет лучше удовлетворять свои потребности за счет совмещения нескольких видов деятельности или изменения очередности жизненных циклов.

Если традиционная занятость предполагала накопление ресурсов и дальнейшее преобразование труда в достаток в течение определенного (порой долгого) времени, то шеринг открыл возможность получения благ без значительных затрат времени, которое имеет особую ценность, поскольку представляет собой невозобновляемый ресурс человека. «Мобильность во всех смыслах становится все более важным источником продвижения человека в обществе; здесь имеется в виду не только экономия времени, но и максимальное отсутствие якорей-привязанностей – к жилплощади, к семье, ко всему громоздкому. Количество благ на единицу времени в этом случае становится куда большим – условно, вместо того чтобы долгое время трудиться ради возможности пользоваться роскошным автомобилем, теперь можно, не прилагая усилий, все это время ежедневно ездить на множестве разных роскошных автомобилей. Такая система становится все привлекательнее» [3].

Множество форм нетрадиционной занятости (аутстаффинг, аутплейсмент, заемный труд, временная занятость, дистанционная работа, смартстаффинг, неполная занятость, самозанятость, фриланс и др.), возникших в последние годы и охвативших значительное число работников, – это не что иное, как шеринг в трудовой сфере. Еще в 1980 г. Э. Тоффлер в книге «Третья волна» предсказывал, что «в новой экономике будут доминировать такие формы организации труда, как “электронные кооперации”, религиозные и семейные производственные команды, бесприбыльные рабочие сообщества и т. п. При этом значительное количество работников будут работать на дому» [4]. Шеринг сегодня состоит в том, что работодатель старается применить труд сотрудника частично, т. е. ситуативно, под конкретную задачу, под заказ, который нужно выполнить в срок, и т. п. Вместе с тем наниматель, имея доступ к компетенциям работника и используя их, максимально освобождает себя от ответственности за охрану труда, соответствие рабочего места нормативам и пр.

Эти формы во многих отношениях совпадают с интересами молодых людей, которые хотели бы не проводить на занятиях в вузе по 6–8 ч и более, а получать образование в наиболее удобных им формах и ситуациях. Шеринг в этом плане оказывается весьма кстати.

Старшее поколение получало образование в традиционных институционализированных формах (вуз, техникум и т. д.) и понимало, что в дальнейшем вернуться в аудиторию уже не придется, поэтому нужно усваивать материал как можно прочнее сейчас, получать диплом и далее работать по профессии, желательно на одном месте. Сегодня молодежь наблюдает, как отмирают целые группы специальностей. Те же, которые существуют, меняются часто и так быстро, что студенту последнего курса уже полезно забыть то, что он изучал раньше на младших курсах.

Кроме того, известен ряд примеров, когда люди, которые не хотели учиться в институционализированных формах, достигли значительных успехов именно в то время, когда их сверстники усердно посещали учебные заведения. Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг, Майкл Делл – все они не имеют университетских дипломов и при этом стали миллиардерами именно за счет эффективной деятельности в высокотехнологичных отраслях экономики.

Шеринг в определенной степени учитывает эти неоднозначные тенденции в образовании и на протяжении последних 20 лет интенсивно осваивает данную сферу. До появления шеринга существовало дистанционное обучение. Создатель данной технологии (и формы) Калейб Филипс в 1728 г. начал преподавать студентам стенографию по переписке.

Дистанционное обучение расширило возможности обучения женщин в то время, когда им был закрыт доступ в высшие учебные заведения. Анна Тикнор создала в 1873 г. общество, которое назвала своим именем – *Ticknor's Society*, цель которого состояла в обучении женщин по почте. Идея дистанционного обучения получила популярность, и ее довольно быстро институализировали. В 1856 г. в Берлине был учрежден институт заочного образования, основатели которого – Ч. Тусен и Г. Ланченштейдт – вели обучение на основе рассылки студентам учебных материалов и контрольных заданий. Учебные курсы *XSeries* от *edEx* до сих пор пользуются высоким спросом в разных странах.

Дистанционное обучение как способ увеличения контингента оценили и университеты. В 1874 г. программу обучения по почте ввел Университет штата Иллинойс (*Illinois State University*), в 1892 г. – Чикагский университет (*University of Chicago*), в 1911 г. – Квинслендский университет (*University of Queensland*) в Брисбене (Австралия).

Шеринг в современном образовании начался с появления многочисленных сайтов по поиску репетиторов для школьников. Затем наблюдался бурный рост предложений на рынке онлайн-образования. Гибридное обучение, совмещающее онлайн- и офлайн-формы, внедрила образовательная организация *Udacity*. Развитие *EdTech*¹ открыло путь для широкого обмена знаниями по всему миру, без привязки к конкретной школе или университету. Все большей популярностью пользуются онлайн-платформы, представляющие собой сборники учебных программ от разных авторов.

В отношении дистанционных форм обучения у педагогического сообщества существует стойкий скептицизм, который выражается во фразе из области народного фольклора: «Заочное образование – это как заочное питание». Сегодня развитие информационных технологий коренным образом меняет институт образования. На протяжении ряда лет авторы данной статьи – практические вузовские педагоги – наблюдают усиление в студенческой среде того, что можно охарактеризовать как шеринг-знания. Студенту что-то нужно узнать, он заглядывает в телефон или компьютер, получает информацию, использует ее и забывает. Широко известно высказывание Б. Шоу: «Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и у меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обмениваемся идеями, то у каждого из нас будет по две идеи». Шеринг по ряду признаков вносит новое содержание в такой акт обмена. Не будет двух идей, поскольку информация, взятая

для конкретного случая, для решения задачи, не занимает далее место в сознании пользователя, а выталкивается из памяти, потому что хранить ее нет необходимости.

Давно доказано, что если память человека не заполнена информацией, знаниями, логическими схемами, алгоритмами интеллектуальной деятельности, то и мыслительный процесс практически не происходит. Здесь нельзя не упомянуть о недавнем выступлении известного российского психолога А. Курпатова на деловом завтраке Сбербанка в рамках экономического форума в Давосе, отметившего: «То, что мы имеем сейчас, – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности... Изменение в потреблении информации приводит к тому, что мы наблюдаем четкое разделение мира на умных и глупых. Мы теряем биологические навыки к обучению и хуже учимся – от этого страдает образовательный процесс. Изменения в коммуникациях приводят к цифровому аутизму и усилению цифровой зависимости» [5].

Не стоит сбрасывать со счетов обстановку, в которой осуществляется образовательный процесс, то, что традиционно называлось образовательной средой. Удаленный доступ позволяет воспринимать онлайн-курс в кафе, дома, в парке. Можно параллельно играть в компьютерную игру, смотреть телевизор, общаться, заниматься домашними делами и т. п. Однако доказано многочисленными экспериментами, что при совмещении нескольких видов деятельности в психологическом плане лидирует предметная. Возникают такие гибридные занятия, как еда или уборка квартиры на фоне лекции. Может быть, это соответствует чаяниям студентов? Уверенности в этом нет. Более того, есть исследования, которые показывают, что «чтение лекции под диктовку и доклады на семинарах предсказуемо видятся большинством студентов как отжившие себя формы. Но потребность в живом контакте с преподавателем в аудитории остается для студентов намного ценнее, чем онлайн-обучение, которое они воспринимают с настороженностью» [6]. При этом примерно треть опрошенных студентов считают, что онлайн-курсы должны проводиться редко: студенты хотят развивать личностные умения, которые они не связывают с цифровой средой, такие как лидерство, предпринимательство, работа в команде, управление проектами [6].

¹*Educational technology* – теория и практика проектирования, разработки, использования, оценки процессов и ресурсов для обучения и управления ими.

Есть некоторая статистика, заставляющая задуматься об эффективности дистанционных форм образования. С одной стороны, мировой рынок онлайн-обучения за два года вырос на 238 %: со 107 до 255 млрд долл. США. С другой – средняя доля тех, кто закончил MOOC-курсы (массовые открытые онлайн-курсы), составила приблизительно 15 %. А в целом в США этот показатель находится между 5 и 15 % [7]. По словам Максима Спиридонова – генерального директора «Нетологии-групп», компании *TalentTech*, «у флагмана мирового онлайн-образования *Coursera*, на платформе которого можно найти курсы ведущих российских вузов, средний показатель удержания студентов – четыре процента. То есть всего четыре процента доходят до середины курса. Причем студенты не доходят до конца курсов вне зависимости от того, платят они за них или нет» [8].

Есть и иные, не менее важные аспекты обсуждаемой проблемы. Приходится признать, что три процесса – информационная революция, знаниевая революция и антропологическое развитие – идут пока несинхронно и порой противоречиво. Информационная революция, о которой опубликовано много работ (см., например, [9–13]), проявляется и в увеличении объемов информации, повышении скорости средств ее обработки, совершенствовании методов хранения, облечении и ускорении доступа к ней пользователей, находящихся на практически неограниченном расстоянии, и т. д.

В большинстве работ по проблемам информационного общества понятия «информационная революция» и «знаниевая революция» не дифференцируются и часто используются как синонимы. Однако прогресс в способах и средствах хранения, поиска и передачи информации не гарантирует автоматической положительной динамики в механизмах и объемах порождения нового знания.

Многое говорит в пользу того, что информационная революция не привела к формированию нового общества знания. Скорее, наоборот: в информационном обществе объективно возникает переизбыток данных, которые характеризуются различным качеством, объективностью, полнотой, формами их представления и другими компонентами. Человек, формируемый в этой информационной среде, складывает для себя весьма противоречивую, мозаичную картину мира, и здесь как раз возрастает роль педагога, который бы помог обучаемому сориентироваться в разнородных потоках полученных сведений. Как представляется, информационная революция усилила и обогатила новыми гранями явления, которые были зафиксированы в работах представителей постмодернизма. Речь идет о том, что в условиях «пост...» про-

исходит девальвация центрального компонента просвещенческой модели культуры – знания.

Знаниевая революция как таковая, если приложить к ней оценочные критерии революции информационной, скорее всего, пока не происходит. Знание – это специфический продукт человеческой деятельности (научной, образовательной и др.). Задача образования – сформировать специалиста и прежде всего его когнитивную сферу, т. е. знания. А это предполагает определенную мотивацию обучаемого, наличие целей и задач обучения, профессионализма педагога, системность, этапность, личностный компонент и еще многое другое. Собственно, деформируется и смысл образования, базирующийся на слове «образ». Он создается длительное время на основе обучения и воспитания, общения со сверстниками и педагогами. Именно информация играет в этом относительно скромную роль. Согласно одному из определений, «образование – это то, что остается у человека, когда он забывает все выученное в школе. Остается образ».

Следовательно, информационная революция стала тормозом революции знаниевой в силу того, что сведений много, они фрагментарны, не всегда систематизированы, часто недостоверны, т. е. появляется так называемый информационный шум². По словам Ж. Бодрийяра, мы находимся «во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла»³ [15].

Наконец, относительно антропологического прогресса заметим, что человек в контексте информационной революции не стал мыслить быстрее, запоминать больше (скорее, наоборот), он не стал креативнее и, главное, у него сегодня нет мотивации овладеть знаниями прочно и на всю жизнь. Подспудно человек знает, что всегда можно «погуглить» и найти нужные сведения, советы, рецепты и пр., что знания устаревают быстро и запастись ими как минимум бесполезно.

На горизонте – новая дифференциация общества. Одни будут иметь доступ к знаниям и их носителям в лице профессуры. Это будет некая нетократия [16], обладающая монополией на знания и доступ к ним. Другие – консьюмернат – люди, у которых есть неограниченный доступ к онлайн-курсам, информационным ресурсам и другим шеринговым платформам.

Значит ли это, что нужно начисто отказываться от удаленных форм образования? Видимо, тоже нет. Если не впадать в крайности, шеринг-культура повлияет на образование, но произойдет это не вдруг и не столь радикально.

Шеринг-культура, как показывают наблюдения, активно вторгается в сферу человеческих отношений. В частности, определенная часть молодежи

²Более подробно эти вопросы раскрываются авторами в статье [14].

³Перевод наш. – Г. Б., Т. Е.

считает, что вступать в брак, заводить семью довольно накладно, а проще реализовать некоторые шеринговые варианты. В той или иной мере гражданский брак и так называемый гостевой брак – это тоже варианты шеринга.

Данный процесс начался не сегодня. По мере того как жены и дети переставали быть трудовым ресурсом семьи, происходила атомизация, модификация этого института. Объективно мужчине для достижения ряда жизненных целей стало не обязательным иметь семью, тем более многодетную. Семья в свое время покинула род, поскольку началось формирование иной социальной структуры, шел процесс разделения труда. Сегодня человек игнорирует институт семьи из-за отсутствия мотивации заводить прочные связи и семью. Неслучайно нуклеарная семья стала в общественном сознании совершенно приемлемым явлением, хотя ранее она была объектом порицания со стороны церкви и народной молвы.

По шеринговой схеме строится также классический любовный треугольник: один угол в нем всегда общего пользования. Понятие дружбы тоже претерпело значительные трансформации. Раньше друзья в основном приобретались в юности (школа, вуз, армия) и далее они шли вместе по жизни, поддерживая друг друга, встречаясь, разделяя радостные и драматические моменты в судьбе каждого. И было у человека друзей немного, ими дорожили, их любили (вспомним пушкинское «Друзья, прекрасен наш союз!...»). Сегодня молодые люди имеют по 500–1000 и более друзей в интернете. Стать другом просто: нужно в социальной сети «зафрендиться». Позже есть возможность легко выйти из числа друзей, могут и тебя удалить из этой категории.

Шеринг позволяет удовлетворить некоторые потребности аффективного характера. Например, кошек любят многие, но вместо того, чтобы заводить домашнего питомца, ухаживать и убирать за ним, кормить, лечить, можно сходить в специализированное кошачье кафе, где специально содержат много кошек, которых посетители могут гладить, ласкать, кормить, но затем уходить в свои жилища, где чисто, мебель не повреждена, а главное – нет ответственности за того, кого приручил.

Завершая статью, позволим себе высказать одно предположение, которое, как и всякое иное, не претендует ни на что, кроме проверки и дальнейшего подтверждения либо опровержения.

Фактически сегодня мы наблюдаем ряд процессов, отражающих не что иное, как деинституционализацию труда, образования, семьи и т. д. Много пока обладает характеристиками тенденции, которая все же набирает силу. Миллионы людей вовлечены в нетрадиционные формы занятости, студенты учатся не в университетских аудиториях, семьи мало чем напоминают то, что входило в понятие «традиционная семья». Но это одна составляющая процесса, есть и другая.

Не исключено, что шеринг – это не столько культура, сколько явление, имеющее признаки социального института, куда включено огромное число людей, где есть структуры разного уровня. Шеринг нацелен на распределение самых различных ресурсов и в конечном счете регулирует ряд значимых областей социальной практики. Это своего рода мегаинститут, который изменяет традиционные институты: семью, образование, труд, потребление, отношение к собственности и др. Пока складывается ощущение, что шеринг эти институты деформирует. Тем не менее возможно, что шеринг появился в ситуации, когда традиционные институты перестали в полной мере отвечать складывающимся в соответствующих сферах жизни реалиям.

Йозеф Шумпетер в книге «Капитализм, социализм и демократия» («Capitalism, socialism and democracy») писал: «Строго говоря... революции происходят не непрерывно, а дискретно и отделяются друг от друга фазами относительного спокойствия. Но весь процесс в целом действительно непрерывен, т. е. в каждый данный момент происходит или революция, или усвоение ее результатов» [17]. В этой же работе ученый ввел понятие «творческое разрушение». То, что мы наблюдаем сейчас, рассматривая шеринг в разных областях социальной практики, имеет явные признаки разрушения. Творческое оно или еще какое-то, покажет ближайшее время, и у нас есть уникальная возможность изучать это явление с момента его зарождения.

Библиографические ссылки

1. Разделяй и радуйся: как шеринг-экономика меняет мир [Интернет]. 2020 [процитировано 17 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://vc.ru/future/45102-razdelyay-i-raduyasya-kak-shering-ekonomika-menyayet-mir>.
2. Фромм Э. *Иметь или быть*. Войскунская Н, Каменкович И, Комарова Е, Руднева Е, Сидорова В, Федина Е, Хорьков М, переводчики. Москва: АСТ; 2000. 448 с.
3. Шевчук М. Раздел истории: почему шеринг меняет многовековые устои человечества [Интернет]. 2020 [процитировано 17 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://www.rbc.ru/trends/sharing/5ddb5fb9a7947b17c10888f>.
4. Тоффлер Э. *Третья волна* [Интернет]. Москва: Центр гуманитарных технологий; 2004 [процитировано 22 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4821>.
5. РИА «Катюша» [Интернет]. 2020 [процитировано 3 февраля 2020 г.]. Доступно по: <http://katyusha.org/view?id=13620>.

6. Щеглова Д. *Нас может ждать «антицифровой» откат* [Интернет]. 2020 [процитировано 27 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://iq.hse.ru/news/352986845.html>.
7. Why no one finishes an online course – and why it doesn't matter [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://www.influencive.com/why-no-one-finishes-online-courses>.
8. Спиридонов М. *Ваши курсы не проходят до конца? Вот как это исправить* [Интернет]. 2020 [процитировано 22 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://rb.ru/opinion/ne-zakonchili-onlajn-kursy/>.
9. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Москва: Academia; 2004. 788 с.
10. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1986. с. 330–342.
11. Шеннон К. *Работы по теории информации и кибернетике*. Добрушин РЛ, Лупанов ОБ, редакторы. Москва: Издательство иностранной литературы; 1963. 830 с.
12. Гайденко ПП. Информация и знание. В: Розов МА, редактор. *Философия науки. Выпуск 3. Проблемы анализа знания*. Москва: ИФ РАН; 1997. с. 185–192.
13. Микешина ЛА. *Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования*. Москва: Прогресс-Традиция; 2005. 464 с. Совместно с МПСИ и издательством «Флинта».
14. Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Информационная революция требует адекватную модель образования. *Инновационное развитие профессионального образования*. 2019;2:12–17.
15. Baudrillard J. *Simulacra et simulations*. Paris: Galilée; 1981. [236 p.].
16. Бард А, Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. Ивашевская Г, редактор. Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики; 2004. 251 с.
17. Шумпетер Йозеф. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. Москва: Эксмо; 2007. 864 с.

References

1. Share and rejoice: how sharing economics changes the world [Internet]. 2020 [cited 2020 April 17]. Available from: <https://vc.ru/future/45102-razdelyay-i-raduyasya-kak-shering-ekonomika-menyaet-mir>. Russian.
2. Fromm E. *Imet' ili byt'* [To have or to be]. *Vojskunskaia N, Kamenkovich I, Komarova E, Rudneva E, Sidorova V, Fedina E, Hor'kov M, translators*. Moscow: AST; 2000. p. 448. Russian.
3. Shevchuk M. Section of the story: why sharing changes the centuries-old foundations of mankind [Internet]. 2020 [cited 2020 April 17]. Available from: <https://www.rbc.ru/trends/sharing/5ddb5fb9a7947b17c10888f>. Russian.
4. Toffler A. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii; 2004 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4821>. Russian.
5. RIA «Katyusha» [Internet]. 2020 [cited 2020 February 3]. Available from: <http://katyusha.org/view?id=13620>. Russian.
6. Shceglova D. We can expect a «digital» rollback [Internet]. 2020 [cited 2020 March 27]. Available from: <https://iq.hse.ru/news/352986845.html>. Russian.
7. Why no one finishes an online course – and why it doesn't matter [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://www.influencive.com/why-no-one-finishes-online-courses>.
8. Spiridonov M. *Your courses do not pass until the end? Here's how to fix it* [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://rb.ru/opinion/ne-zakonchili-onlajn-kursy/>. Russian.
9. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience in social forecasting]. Moscow: Academia; 2004. 788 p. Russian.
10. Bell D. [Social framework of the inform]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress; 1986. p. 330–342. Russian.
11. Shannon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on information theory and cybernetics]. Dobrushin RL, Lupanov OB, editors. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1963. 830 p. Russian.
12. Gajdenko PP. [Information and knowledge]. In: Rozov MA, editor. *Filosofiya nauki. Vypusk 3. Problemy analiza znaniya* [Philosophy of science. Issue 3. Problems in the analysis of knowledge]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 1997. p. 185–192. Russian.
13. Mikesheina LA. *Filosofiya nauki. Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science. Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 464 p. Co-published by Moscow Psychological and Social University and «Flinta». Russian.
14. Birzhenyuk GM, Efimova TV. The information revolution requires an adequate model of education. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*. 2019;2:12–17. Russian.
15. Baudrillard J. *Simulacra et simulations*. Paris: Galilée; 1981. [236 p.].
16. Bard A, Zoderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [The new ruling elite and life after capitalism]. Ivashevskaja G, editor. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki; 2004. 251 p. Russian.
17. Schumpeter Joseph. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Eksmo; 2007. 864 p. Russian.